

¹ Джаиза букер аль-арабия ли Азазель аль-ривайи аль-мысрий Юсуф Зейдан (премия «Арабский Букер» была вручена арабскому писателю Юсуфу Зейдану за роман «Азазель») // Asharq al Awsat, 17.03.2009 - <http://classic.aawsat.com/details.asp?issueno=10992&article=511235#.VHoOostxleV>

² Набатейское царство примерно со II в. до н.э. охватывало обширные территории от Синайского полуострова на юго-западе до Дамаска на севере, включая южную и центральную части нынешней

Иордании, северо-запад современной Саудовской Аравии, часть территорий, занимаемых ныне Израилем и Сирией. Начиная с IV века н.э., Набатейское царство растворяется в христианском мире византийского Ближнего Востока и уходит в историю с началом арабско-мусульманских завоеваний. Следы набатейской цивилизации - это великолепные памятники г. Петры и руины пустынных городов - Авдата, Шивты, Мамшита, Ниццаны и др. (прим. авт.).

НАБАТЕЕЦ

ЮСУФ ЗЕЙДАН

(Египет)

Первая жизнь. Свадебный месяц

В один жаркий день издали пришли арабы и попросили меня выйти замуж за одного из них. Тогда стояла весна, однако повсюду в воздухе носилась жёлтая пыль, гонимая ветром из близкой и бесплодной пустыни.

В доме я находилась одна. Мама и мой брат Вениамин ушли еще до того, как я проснулась, в дом Петра - сборщика налогов, в дом, который мы называем дворцом, потому что он большой и двухэтажный.

Никто не спрашивал моего мнения по поводу жениха-араба, но я без малейшего колебания согласилась стать его невестой. Несколько месяцев назад мне исполнилось восемнадцать, и я уже не чаяла выйти замуж. Счастье моё где-то задерживалось, а сердце с каждым новым днём щемило всё больше. Ныла грудь, и с каждой новой весной, когда зимние дожди сменялись летним зноем, мне было невыносимо грустно. Дни тянулись медленно.

Счастья у меня в жизни мало, хотя я белокожая, как сердцевина пшеничного зёрнышка, и красивая. Чуть худая, но красивая. Женщины в деревне болтали, что если я выйду замуж, то обязательно прибавлю в весе и стану ещё красивее. Мои глаза чистые и большие, цвета мёда, который собирают пчёлы во время цветения клевера. Вокруг глаз густые ресницы цвета зимних ночей. У меня широкие дугобразные брови, а волосы мягкие и длинные. И сплетены они

в толстые косы, хотя я их не люблю. Распущенные волосы смотрятся красивее. Моя подруга Домиана говорила, что когда я распускаю косы и крашу сурьмой ресницы, то становлюсь такой же очаровательной, как женщины Белого города (города безбожников).

Домиана знала всё - и то, о чём говорят, и то, о чём не говорят перед свадьбой. Она вышла замуж три года назад, когда нам обоим исполнилось по пятнадцать. После её ухода я стала совсем печальной. Подруга покинула меня и деревню, уехав жить вместе с худым парнем, теперь уже её мужем, в далёкий город Барамун.

Я ужасно тоскую по подруге, а поехать к ней не могу. Домиана ни разу не приезжала навестить свою мать. Деревенские зовут её Трясуньей, потому что она чересчур тучная, и всё её тело при ходьбе трясётся. Когда я была маленькой, слышала, что мою мать называли Газелью. Наверное, из-за её стройности и грациозных, как у газели, движений. Она до сих пор подкрашивает глаза сурьмой, и в доме никогда не замирают мамыны движения. Мама красивая и нежная. Но после смерти отца ее перестали звать Газелью, а стали обращаться к ней Мать Марии.

В день, когда Домиана уезжала вместе со своим мужем и его семьей на дряхлом осле в Барамун, все жители деревни вышли её проводить. Мы прошли вместе с подругой от дверей церкви до края базарной площади и у задней стены Белого города торопливо обнялись с ней в последний раз.

Тогда Домиана ничего не сказала, но её полные слёз глаза говорили о многом. Они говорили со мной, и я видела в них страх неизвестности, а ведь она так мечтала выйти замуж.

На обратном пути, после того как проводили Домиану, у ворот деревни Трясунья прошептала мне на ухо, мол, я тоже должна поспешить со свадьбой. Ещё Трясунья добавила, опираясь на моё плечо и притягивая меня к себе, что если девушке исполнилось пятнадцать лет, а она не замужем, то в живот к ней проникает ржавчина, которая долго может не выходить и вызвать в девичьем теле порчу. Я потрясла головой в знак согласия, хотя и не поняла смысла этих слов. Я тогда ещё не знала, что моя сущность находится глубоко внутри меня. Из-за слов Трясуньи у меня закружилась голова, и возникли вопросы, ставившие меня в тупик: «Как же мне быстрее выйти замуж?», «Какой самый доступный для этого способ?», «Что это за металл у меня внутри, который может ржаветь?» и «Каким образом муж может повлиять на исчезновение ржавчины?».

Муж... Интересно, он когда-нибудь придёт, чтобы забрать меня отсюда в то место, где он осчастливит меня, а я осчастливлю его? А, может, моя счастливая пора сейчас? Ведь если бы брак был воистину счастьем, разве бы замужние женщины выглядели бы такими печальными? Нет, единственными счастливыми являются маленькие девочки. Они радуются, всё время веселятся и порхают безмятежно, словно бабочки.

Я узнала о приходе арабских сватов сегодня утром. В час, когда жара достигает своего пика и птицы не поют, ко мне пришла Эфиопка из дворца сборщика налогов и с помощью жестов пригласила меня во дворец. Она не знала нашего языка, хотя и жила здесь уже давно. Я заметила и других кричащих женщин за спиной Эфиопки, когда та переступила порог. У нее на голове был глиняный кувшин с чистой водой. Чуть поодаль от Эфиопки расположилась низкорослая Мать Нуны. Когда она смеялась, её выдающаяся грудь вздрагивала. Мать Нуны стала упрашивать меня, чтобы я надела красивое, яркое платье, лежавшее на кровати моей матери.

- Мария, скорее вымойся и надень это новое платье. Они уже приехали, и мы не заставим их ждать.

- Кто приехал, и кого они ждут?

- Ты что, Мария, арабы приехали за тобой. Они приехали на площадь с множеством ослов и верблюдов. Встреча и праздник во дворце сборщика налогов.

- Мне никто ничего не говорил.

- Я пришла сообщить тебе об этом. Меня твоя мама послала. Давай-ка поторапливайся. И после того, как вымоешься, накрась глаза.

Эфиопка рассматривала меня, улыбаясь, и её белые зубы блестели на фоне чёрного лица. Я посмотрела на неё с недоумением, почему она ещё здесь? Однако вскоре она поставила на пол кувшин и положила рядом с ним на белой губке из люфы обмылок. Как только я встала с кровати, Мать Нуны заперла дверь, трясая головой и подмигивая мне.

Я встала и будто попала из одного сна в другой. Смыла с себя пот и пыль, быстро заплела две косы, подвела глаза и вошла в своё новое платье. Сразу же после того, как я вышла из дому, соседки, собравшиеся за забором, закричали и радостно засмеялись. Они пели свадебную песню, запев которой звучит так: «Вона, вона, вона невеста Соломона. Круглолица как она, словно полная луна!»

Моё свадебное платье специально было сшито узким в груди, и на нём выделялись узкие рукава, начинавшиеся прямо у подмышек.

По краям платья окаймляла лента из блестящей ткани, и когда я вышла во двор, меня окружили соседки со своими детьми, и каждый хотел эту ленту потрогать. Меня заметила Трясунья. Она сидела на каменной скамье в конце дороги и с тоской в голосе позвала к себе. Я подошла. Трясунья обняла меня и надела мне на шею яркое ожерелье из цветных бусин, которое она извлекла из своего глубокого межгрудья.

Дворец сборщика налогов окружает сад с зелёной травой, где растут гранаты, апельсины и лимоны.

Когда я проходила мимо гостиной, заметила арабов. Они неприужденно сидели в комнате, как у себя дома, опершись на подлокотники диванов. Женщины из моей деревни собрались в другом зале, напротив кухни. Вдруг я увидела среди них маму и смутилась. Она смотрела на меня глазами, полными слёз, и улыбалась. В одну руку она дала мне синий стеклянный кувшин, где рубинилось красное вино, смешанное с водой, и где плавали зелёные кусочки яблока. В другую руку - горку из семи стаканов, вставленных друг в друга. Мама сказала: «Иди к ним».

Мои колени и пальцы задрожали. Мать Нуны шла позади меня, нежно массируя мне плечи и шёпотом читая молитву. Из гостиной доносились громкие мужские голоса, наводившие страх на меня. Я попросила маму пойти вместе со мной, но она отказалась, покачав головой. Я готова была расплакаться, но мама успокоила, сказав, что со мной пойдёт Эфиопка с другим кувшином и стаканами.

- Сначала налей гостям, не волнуйся. Эфиопка подаст тебе остальные стаканы.

- Мама...

- Иди, Мария.

Мне хотелось упасть на пол и разрыдаться. Но женщины подхватили меня под руки и подвели к гостиной, а потом буквально затолкали в дверь к мужчинам. Деваться было некуда. Я вошла, и меня охватил стыд, потому что на меня смотрело множество глаз.

Комната показалась мне очень большой, словно отдельный мир. С десяток арабов сидели от меня справа в ряд, а прямо напротив

двери, скрестив ноги, восседал полный гордости Пётр - сборщик налогов. В ногах у него лежал большой льняной мешок. Слева от Петра сидел пожилой араб, а справа - сын сборщика налогов, толстый сын его сестры Басантий и мой брат Вениамин. На диванах, ближе к двери, расположились деревенские мужчины во главе со священником Шунутой. В своём чёрном одеянии с рваными краями он был заметней всех. Мне кажется, было бы лучше, если бы он, как и для службы, надел блестящий бурнус* с чёрным кафтаном.

Арабы приехали свататься, но без женщин, и я подумала, куда я сяду после того, как налью им то, что они будут пить? В комнате нет ни одной женщины, с кем я могла бы сесть рядом, к тому же здесь так душно. Арабы, похожие друг на друга, были одеты в просторные полосатые плащи, с блестящими по краям кожаными поясами, а на головах у них красовались белые перевязанные чалмы. Глаза арабов были подкрашены сурьмой. Я посмотрела на Петра в оцепенении. Он сидел в длинной ярко-жёлтой галабии**, а вокруг шеи повязал чёрный шнур, на котором висел зуб крокодила.

Я почувствовала, что они не ждали моего появления и очень удивились этому; сразу прервали свои громкие разговоры и стали меня пристально рассматривать, отчего моё смущение стало сильнее. Частота пульса у меня достигла предела, когда один из арабов хрипло сказал: «Какая красивая невеста». Другой восторженно произнёс: «Ура, ура!». Священник Шунута тоже поддержал их, сказав: «Благословение тебе... Дева Мария».

Я начала наполнять стаканы, и мужчины брали их поочерёдно и пили. Но среди них был араб, который не пил из своего стакана. Он взял у меня его и поставил рядом с собой, даже не посмотрев в мою сторону. У араба я заметила тонкие черты лица и накрашенные сурь-

* Бурнус - плащ с капюшоном из плотной шерстяной материи, обычно белого цвета.

** Галабия (гельбаб) - мужская или женская рубашка (прим. перевод.).

мой выразительные глаза. Его одежда была безупречно белой, а от чалмы исходил лёгкий аромат. С обеих сторон его спокойного худого лица свисало тонкое головное покрывало. Интересно, неужели это он, мой жених? Хорошо, если бы это было так. Красавец мне напоминает безгрешного юношу или ангелочка, заблудившегося на небесном пути и спустившегося на землю просто так, без какой-либо цели, чтобы только пожить какое-то время среди людей.

Он принял стакан из моей дрожавшей руки и тихим голосом произнёс: «Спасибо, тётя». В то мгновение всему моему полному надежды сердцу хотелось, чтобы именно этот красавец оказался тем, кто пришёл взять меня в жёны... Но это был не он, а младший брат моего жениха. Арабы называли его писцом, потому что он писал для них торговые договоры. А звали его Набатейцем, при том, что они сами все набатейцы. Позже именно он откроет мне секреты арабской речи и обучит тайным смыслом арабских слов.

* * *

Я напоила всех арабов, не сводивших с меня глаз, а когда подошла, чтобы налить вина Петру, он резко повернулся ко мне и наставительно сказал: «Хватит, Мария. Садись рядом со своим братом. Остальным нальёт Эфиопка».

Вениамин подвинулся, освобождая для меня место, и я села в углу. Мне было стыдно. Справа от меня оказался священник Шунута. Я старалась не смотреть в лица сватов, а они, напротив, молча, продолжали пристально меня разглядывать. Петр два раза откашлялся и заговорил с одним из арабов: «Мой дорогой друг, вот наша дочь Мария, благочестивая, покорная, богобоязненная, и вы будете для неё семьей. Она, скромная, поселится в вашей стране и будет находиться в безопасности. Она родит вам много детей, если будет на то Божья воля». Один из арабов ответил ему: «Мы станем для нее лучшими защитниками, она будет жить среди нас в заботе и уважении. В нашей стране мы обладаем силой, и нас уважают. Мы будем оказывать ей уважение, она из потомков нашей египетской праро-

дительницы Агари, матери всех арабов».

Голоса присутствующих перемешались. Арабы начали громко разговаривать между собой, но среди их раскрасневшихся смуглых лиц я не могла угадать своего жениха. Внимание ко мне не ослабевало, и я всё ещё находилась во власти стыда и страха, сидя с опущенными глазами. Через какое-то время один из арабов бросил священнику Шунуте маленький тряпочный мешочек и сказал: «Это деньги для всего необходимого к свадьбе». Священник благословил этого араба и ловко засунул мешочек в карман гильбаба. Потом он пустился с арабами в разговоры о Вавилоне, о войске царя Ираклия и войнах, грохочущих в далёких краях. Они называли Вавилон Персией, войско Ираклия - византийцами, а под дирхемами подразумевали драхмы.

Петр - сборщик налогов разговаривал с арабами на их языке, будто тоже был арабом. Я время от времени поднимала голову и украдкой посматривала то на него, то на них. Наконец, сборщик налогов произнёс: «Бракосочетание состоится в церкви, господнем доме, скале веры, которая нас всех собирает и оберегает». Ему ответил пожилой сосед-араб: «Да свершится всё желаемое с Божьей помощью, дядя Пётр. Протяни руку и возьми у меня выкуп за невесту. Мы на месяц уедем в Кус*, а потом вернёмся за ней и совершим бракосочетание. Теперь же вас ждёт праздничный месяц, и за ним последует другой праздничный месяц, который начнется, когда мы благополучно приедем в наши жилища в Аравию».

* * *

Мы в деревне понимали арабскую речь, а арабы понимали нашу. Они приезжали к нам на базар, и с ними были их дети. Здесь арабов называют купцами, а некоторые их зовут сыновьями Исмаила. Выкуп за невесту, например, у них - «махр», а не «урбун», комары - «дубаб» вместо «намус». Даже мух они называют «дубаб»... Нас же арабы называют коптами, а страну нашу -

* Город в центральной части Египта (прим. перевод.).

Мисром, при том, что по-нашему она - Кими.

Вошла Эфиопка с тарелками и лепёшками. Стояло время поста, и до разговенья было ещё далеко. Но аромат жареного чеснока, исходящий от еды, вызывал сильный аппетит, что приходилось сдерживать себя, глотая слюнки. Когда арабов пригласили к столу, они устроились вокруг стола, сев прямо на пол. Мне представилась возможность улизнуть из комнаты, и я незаметно шмыгнула в дверь за Эфиопкой.

Меня трепетно встретила мама, обняла и передала двум женщинам. Одна из них привела меня на кухню и усадила в угол на перевернутый старый глиняный горшок. У меня кружилась голова, как мелящий жёрнов, а в животе началась внезапная острая боль. Мне хотелось остаться одной хотя бы ненадолго, но вошли женщины с детьми и стали наполнять из больших сосудов едой тарелки, расставленные на полу. Все набросились на лепёшки и ели их, не обращая на меня никакого внимания.

Я смотрела на свои сандалии, а в голове моей роились и путались мысли, неожиданные, горячие, острые, как края разбитого кремня. Я отстранилась от происходящего и перестала слышать голоса. В глазах у меня потемнело, и всплыла в памяти Домиана.

Ах, как мне тебя сегодня не хватает. Будь ты рядом, мы рассказывали бы друг другу истории так, что конец одной из них переходил бы в начало другой. Могли ли мы подумать, дорогая, что моя судьба будет связана с этими чужеземцами и что они придут просить моей руки. И что всё это будет происходить в большом доме сборщика налогов.

Все люди здесь родственники, либо близкие, либо дальние, и все они раньше скрывали от меня новостях о сватах. Но я почувствовала, как что-то происходит втайне от меня. Соседки, заходившие днём во двор нашего дома, задерживались там вместе со своими детьми дольше обычного. Они вышагивали передо мной, улыбались и беспричинно перемигивались. А моя мать против этого не возражала. Она лишь так же, как соседки, улыбалась и продолжала шить мое но-

вое платье. Сначала я думала, что это платье для приближающегося праздника. Оно яркое, по краям обшито прекрасной дамиеттской парчой... Дамиетта - это далёкий город на севере, где делают дорогие ткани.

Я уже не говорила с мамой так много, как это случалось в моё весёлое время, когда весь день напролёт могла гулять, как другие девочки, по окрестностям соседнего аль-Бараби и его базарной площади. Я заходила во все деревенские дома, а потом возвращалась, чтобы рассказать маме вечером о том, что видела и слышала днём. Я это делала, чтобы она была за меня спокойна, но мама никогда не была спокойна...

Я пришла в себя после глубокого погружения в свои запутанные мысли, когда мужчины с шумом выходили из гостиной. Отголоски их смеха мерно разносились между стенами. С радостью и воодушевлением поднялись женщины, оставив еду, и поспешили выйти из кухни. За ними потянулись дети, чтобы успеть посмотреть на уходящих арабов.

Я неторопливо встала с перевернутого горшка и стряхнула с подола платья пыль и бегающих муравьёв. В растерянности вышла из кухни и заметила Петра. Улыбаясь, он позвал меня в гостиную. Вместе со мной туда вошла и моя мать. В левом углу комнаты сидел Вениамин, а я стояла за маминой спиной.

Засовывая руку в карман своей рубахи, Пётр повернулся сначала к Вениамину, а затем, радостно потрясая своими толстыми щеками, поздравил улыбающуюся маму. Потом он вручил мне пять золотых сверкающих динаров и сказал, что это выкуп. Выдержал небольшую паузу и добавил: «Подписание брачного договора и прочие брачные ритуалы состоятся через четыре недели».

Моя мама прослезилась, когда Пётр засунул руку в другой карман, и протянул мне два динара, которые не блестили. Он сказал, что это его свадебный подарок... До этого дня у меня не было ни одного динара, но моё сердце всегда билось чаще, когда я видела их свер-

кание в руках купцов на базарной площади.

Пётр - сборщик налогов указал на мешок, лежащий на полу, и сказал, что это подарки арабов для меня и мамы. Он уверял, что арабы щедры и богаты и что он давно знает их и всех их родственников, которые живут в пустыне Синая и даже в пустынях, протянувшихся до города Кус. Тогда я ещё не знала ни что такое Синай, ни Кус.

Мама пожелала Петру вечного счастья. Довольный, он потряс головой и вышел из гостиной. За ним последовала мама, а за ней - я. Посреди зала, расположенного между комнатами, Пётр тихонечко прошептал маме, но я расслышала: «Послушай, меня здесь не будет в день свадьбы. Через две недели мне нужно ехать в Верхний Египет. И когда я вернусь, не знаю. Там неспокойно. Говорят, войско Ираклия возвращается, чтобы прогнать вавилонян».

Мама показала всем своим видом, что боится, а затем мягко произнесла, соединив пальцы обеих рук на животе: «Мой господин, мы будем ждать Вас на свадьбе, без Вас свадьба не в радость. Вы наша единственная надёжная опора».

- Нет... Не задерживай Марию, иначе её путь в страну арабов выпадет на время самой сильной жары. Я, наверное, уеду на два месяца, а может и дольше. У меня там много дел.

- Возвращайтесь к нам невредимым, мой господин.

- Послушай, здесь остаётся Басантий и с ним Эфиопка. Если что-то понадобится для свадьбы, обращай к ним.

Мы вышли в сад перед домом. Вечерний предзакатный мрак уже почти поглотил все тени. Меня остановил толстый Басантий. Он поздравил меня, и я вышла к нему из-за спины матери. Когда я остановилась, Басантий попытался было что-то сказать, но промолчал. Он подал мне свою правую руку, в которой был для меня подарок - сверкающий золотой динар. Я отказалась принять его подарок, но он настаивал, сдвинув брови и не сводя с меня глаз. Наконец я протянула руку, чтобы с благодарностью взять динар, но Басантий повёл себя

странно. Он начал гладить моё предплечье рукой, нахваливая моё платье. И я убежала от толстого пристава, хотя моё платье действительно заслуживало похвалы.

Я ускорила шаг и догнала женщин, выходящих из задних ворот дворца на дорогу. За женщинами шли дети, а за ними - моя мама и Эфиопка. Они несли тяжёлый мешок с подарками. Я закрыла за собой задние ворота дворца и, пройдя немного, остановилась у двери нашего дома.

Постояв немного в растерянности, я, радостная и уставшая, шагнула через порог. Вениамин уже был дома, и мама с Эфиопкой тоже. Её я встретила во дворе, когда та уходила. Я закрыла за ней дверь и вошла в комнату, где хранилось зерно, чтобы там, в полной темноте, снять своё новое платье, которое от пота прилипло к моей груди и талии.

Я почувствовала облегчение, когда закрыла за собой дверь, расслабилась и сняла наконец-то головное покрывало и сандалии, а потом распустила волосы. Но большую лёгкость я почувствовала, когда аккуратно стянула с себя облегающее платье и шаровары из-под него. От них исходил жар. Какое-то время я оставалась обнажённой, стоя одна в темноте, и внутри ощущала непонятное сильное волнение. Прежде чем взять свою повседневную одежду, висевшую на палке, вбитой в стену, я прислонилась горячей спиной к стене комнаты.

Я взяла пучок волос в правую руку и слегка провела им несколько раз вдоль шеи, ощутив при этом приятную дрожь. Подушечки пальцев как-то сами собой коснулись моей упругой груди, а ногти возбуждающе стали царапать соски. На меня одновременно нахлынули холод и тепло, а чуть позже охватила одурманивающая дрожь. Нижняя часть моего трепещущего тела наполнилась огнём. Внутри меня что-то яростно горело. Затем я успокоилась, и у меня закружилась голова.

*Перевод с арабского
к.ф.н. М.Насра аль-Гибали
и В.Кунковой*